

Б. В. Аверин, А. В. Козакевич

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918) — это первый военный конфликт мирового масштаба, в который были вовлечены 38 из существовавших в то время 59 независимых государств, на полях битв сражались свыше 70 миллионов человек, из которых 10 миллионов были убиты и 20 искалечены. В результате войны прекратили существовать четыре великие империи (в том числе и Российская). В советской традиции война 1914–1918 годов получила определение «империалистической», ее герои и успехи русского оружия были преданы забвению. Для наших современников это все еще «неизвестная» война, хотя через нее прошли миллионы русских людей, которые дали ей имена «Великая», «Вторая Отечественная», нередко сравнивали ее с войной 1812 года. Такое забвение объясняется многими причинами: революционными катаклизмами 1917 года, последовавшими за ними тяжелыми испытаниями XX века, искаженным восприятием трагических событий 1914–1918 годов не только потомками, но и современниками¹.

¹ Более глубокие причины, по которым тема эта долгое время оставалась в тени, еще требуют своего осмысления. В первые послевоенные годы ситуация осложнялась тем, что почти сразу после установления власти большевиков они начали искать контактов с поверженной Германией. В конце концов в 1922 г. был подписан удививший Европу Рапалльский договор о восстановлении дипломатических отношений, о взаимном отказе от каких-либо территориальных претензий и о восстановлении торгово-экономических связей. В Берлине открылись советское посольство и торговое представительство. Германия оказалась единственной страной в Европе, куда советский человек мог получить визу. Еще с 1918 г. стали практиковаться поездки в Германию большевистской верхушки для отдыха и поправки здоровья (в 1922 г., например, в Германии вместе с женой отдыхал Н. И. Бухарин. Даже председатель Совета Народных Комиссаров А. И. Рыков посетил Берлин, чтобы пройти курс лечения немецких врачей от неумеренного пристрастия к алкоголю (см.: *Сорокина В. В.* Русский Берлин. Остановка в пути.

Неоднозначные воззрения на ход одной из самых кровавых войн, естественно, нашли отражение в художественной литературе. Но большая часть произведений, созданных теми, кто пережил эту войну, тоже если и не забыта, то известна лишь узкому кругу специалистов, историков и литературоведов. Между тем художественное творчество очевидцев событий — это уникальный исторический документ.

Российская империя вступила в войну 1 августа, спустя пять дней после убийства в Сараево. Литературный мир немедленно отреагировал на объявление войны всплеском патриотизма. В периодику августа 1914 года хлынул нескончаемый поток стихов, стали появляться очерки и рассказы о ходе призыва, о проходах на фронт, о том, как реагируют на происходящее разные слои населения. Художественные отклики на военные события не сходили со страниц русской прессы на протяжении всей войны, но, пожалуй, их никогда не было так много, как в августе 1914-го. В числе первых откликнувшихся были А. Ахматова, К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Гумилев, Ф. Сологуб, М. Пришвин, Ф. Степун, И. Шмелев и многие другие. Далеко не все, однако, встретили весть о войне с воодушевлением. Прозвучали и антимилиитаристские высказывания, которые крайне негативно были встречены общественностью.

Объявление войны повлекло ряд изменений как в общественных отношениях, так и в литературной жизни. Была введена военная цен-

М., 2003. С. 8)). И для советского партийного руководства, и для русских писателей, оказавшихся в это время в Германии, тема войны 1914–1918 гг. представлялась не только не актуальной, но даже и неудобной. Несмотря на большое количество еще не стесненных цензурой издательств, журналов и газет, она как-то естественно отошла на задний план и так и осталась не востребованной в более позднюю советскую эпоху. Обошло эту тему и советское литературоведение — отчасти потому, что большинство крупных русских авторов, писавших о войне, оказались в эмиграции (Бунин, Зайцев, Шмелев, Мережковские, Степун) и заниматься их творчеством стало невозможно. Показательна «Общая часть» библиографического справочника «История русской литературы XIX — начала XX века», выпущенного в 1993 г. В разделе «Война Первая мировая» его предметного указателя значатся всего три работы, посвященные нашей теме: статья А. Б. Дайчика «Первая мировая война в русском дореволюционном буржуазном рассказе» (1972), вышедшая в том же году статья В. П. Вильчнского «Литература 1914–1917 годов» и работа А. Ф. Бережного «Русская легальная печать в годы Первой мировой войны» (1975). Редким исключением в общем потоке литературоведческих исследований стала книга Д. Е. Максимова «Поэзия Валерия Брюсова», последняя глава которой включала раздел «Батальные стихи эпохи империалистической войны». Высказав привычные упреки Брюсову в шовинизме, исследователь мотивировал его настроения естественным для поэта чувством патриотизма, а «бесспорную искренность» его военных стихов объяснял тем, что в начале войны Брюсов «был глубоко убежден в ее мессианском, освободительном значении», считая, что война 1914 г. — «последняя война» (Максимов Д. Е. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940. С. 251).

зура, одна из целей которой заключалась в пресечении антивоенных высказываний в печати. Цензура распространялась на все издания, как фронтовые, так и тыловые. Действия цензуры в сочетании с официальной пропагандой влияли на настроения в обществе. Ярким примером могут служить антигерманские настроения, повлекшие за собой не только гонения на немцев, проживавших и работавших до войны в Российской империи, но и немецкие погромы. Эта внутренняя, тыловая война стоила многих жизней.

В переименованном шумном, веселом Петрограде, несмотря на действующий сухой закон и военное положение, продолжают работать рестораны и театры, кипит культурная жизнь. Зачастую создается ошибочное впечатление, что война не коснулась города. Это, конечно, не так. Начался разгул спекуляции, резко выросли цены, с фронтов начали поступать первые трагические известия. Тыловая жизнь — столичная, провинциальная, деревенская — составляет один из тематических пластов военной литературы.

Осенью 1914 года масштабы военных событий стали более очевидны в тылу, куда хлынул поток раненых. В лазареты отправляются работать многие женщины, в том числе светские львицы, мужья которых ушли на фронт. Не удивительно, что в литературе возникает тема госпиталя, к которой вновь и вновь обращаются писатели. Возникают и собственно фронтовые темы: сражения и военные будни. О них пишут те, кто становятся участниками боевых действий или их свидетелями (многие писатели попадают на фронт в качестве военных корреспондентов). «Окопная» литература заслуживает отдельного внимания. Неброскость, неяркость, отсутствие пафоса — свойства рассказов тех, кому довелось воевать. Литераторов волнует проблема человека на войне, она воплощается на разных уровнях — от простого описания солдатского быта до попыток осмысления того, как можно сохранить в самых страшных условиях нравственные ценности и человеческое достоинство.

Особое место занимает литература, служившая пропаганде. В этом контексте появляются весьма выразительные образы. Один из них — русский казак, гроза противников, бравый и непобедимый. Среди изданий военного времени множество тоненьких брошюр с портретами казаков, описанием их подвигов и стихами, приписанными то им самим, то неким сельским учительницам, прославляющим ратные подвиги казачества. Юмористическая пресса создавала карикатурный образ врага. Эрцгерцог Фридрих, как и Вильгельм II, — излюбленные персонажи лубочных изданий, анекдотов, юмористических рассказов и стихов. Разумеется, образ врага создается не только в юмористических произведениях. Для русских писателей, с их любовью к немецкой культуре, противостояние Германии составило духовную проблему, тем более сложную, что нужно было переживать страшные известия

о гибели невинных людей от руки немецких солдат и о таких варварских акциях, как разрушение немцами Реймского собора.

4 августа германские войска вторглись в Бельгию. Сразу же в российской прессе появляется ряд стихотворений, проникнутых сочувствием к бельгийцам. Этот факт весьма показателен: в русской литературе о Великой Войне большой корпус произведений посвящен не только подвигам русских воинов, но и мировой катастрофе в целом.

В этот же день, 4 августа, русская армия перешла границу, начав наступление на Восточную Пруссию. Первое время действия русских армий были успешными, что усилило патриотический подъем в литературе.

5 августа началась Галицийская битва — огромное по масштабу сражение между русскими войсками под командованием генерала Иванова и четырьмя австро-венгерскими армиями под командованием эрцгерцога Фридриха.

К 19–20 августа русские войска отступили на территорию Польши, затем 6 августа началось наступление. 21 августа русские войска взяли Львов, 22 августа — Галич. До 31 августа австро-венгерская армия не прекращала попыток отбить Львов, бои окончились полной победой России. С 29 августа началось общее отступление австрийской армии. Русская армия сохранила темп наступления и в кратчайший срок захватила огромную стратегически важную территорию — Восточную Галицию и часть Буковины. Австрийская крепость Перемышль оказалась в осаде в тылу у русской армии. Каждому из городов, так или иначе упоминаемому в новостях с фронта, посвящен ряд произведений. Польша, разрушенная в ходе тяжелых боев, становится излюбленной темой для сочувственных, проникнутых болью и состраданием стихов. Можно сказать, что именно польские события становятся переломными для художественной литературы: в ней, помимо восторженно-патриотического, все настойчивее начинает проявляться трагический пафос.

15 сентября наступлением германских войск началась Варшавско-Ивангородская операция. Наступление шло в северо-восточном направлении, его цель — взять Варшаву и крепость Ивангород. 30 сентября немцы дошли до Варшавы и вышли на рубеж реки Вислы, где начались ожесточенные бои, в ходе которых постепенно определилось преимущество русской армии. Это преимущество стоило огромных потерь.

9 октября пал последний очаг сопротивления бельгийской армии — Антверпен, а бельгийские части присоединились к англо-французским, заняв на фронте крайнюю северную позицию. В России трижды переиздается «Книга короля Альберта», все средства от продаж которой идут в помощь бельгийцам. В предисловие этой книги включены стихи русских поэтов о трагедии в Бельгии: «Утешение Бельгии» Ф. Сологуба, «Три креста» З. Гиппиус и др.

29–30 октября турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск.

2 ноября Россия объявила Турции войну. 5 и 6 ноября война с Турцией была объявлена Англией и Францией. Между Россией и Турцией возник Кавказский фронт: в декабре 1914 — январе 1915 года русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, а затем разгромила их и перешла в контрнаступление. В связи с открытием нового фронта возникло еще одно специфичное направление в литературе о войне, которое может быть условно названо «турецким текстом».

С 22 апреля по 25 мая 1915 года Германия впервые в истории человечества применила химическое оружие (из баллонов был выпущен хлор). От газа пострадало 15 тысяч человек, 5 тысяч из них умерли. Германцы, однако, все же не имели достаточных резервов, чтобы прорвать фронт. Ужас газовых атак описан во многих произведениях той поры.

9–11 февраля австро-германские войска начали наступление в Карпатах. 22 марта пала осажденная австрийская крепость Перемышль, сдалось более 120 тысяч человек. Взятие Перемышля стало последним крупным успехом русской армии в 1915 году. Этому событию тоже посвящено немало художественных текстов.

К середине весны ситуация на фронте в Галиции изменилась. Германцы расширили зону действий, перебросив войска на северную и центральную часть фронта в Австро-Венгрии; более слабые австро-венгры теперь отвечали только за южную часть фронта. 19 апреля германские войска начали наступление на центр русской позиции в Австро-Венгрии — Горлице, нацелив основной удар на Львов. 22 апреля фронт в районе Горлице был прорван. Начавшийся отход русских армий продолжался до 9 июня. Весь фронт южнее Варшавы передвинулся в сторону России. Столь крупная военная неудача сопровождалась потерей русской армией боевого духа и массовыми сдачами в плен. В литературе, которая все еще пыталась сохранить боевой настрой, начали все чаще звучать пораженческие ноты.

На Восточном фронте антивоенная агитация революционных партий и популистская политика Временного правительства приводили к деморализации русской армии, которая теряла боеспособность. Однако несмотря на это, центральные державы, понесшие огромные потери в кампании 1916 года, не могли использовать создавшуюся благоприятную для себя возможность, чтобы нанести России решающее поражение и вывести её из войны. Эти события уже с гораздо меньшим рвением и явно угасающим патриотизмом описываются в произведениях современников. Сказываются усталость людей от войны и внутренние проблемы в стране; события на фронте кажутся уже не столь насущными.

После Февральской революции активные боевые действия на турецком фронте русской армией не велись, а после заключения большевистским правительством 15 декабря 1917 года перемирия со странами Четверного союза прекратились окончательно, у немецкого же руковод-

ства появилась надежда на благоприятный для него исход войны. Для России война закончилась в 1917 году, хотя последним официальным документом, подтверждающим окончание военных действий, можно назвать подписание Версальского договора 28 июня 1919 года.

* * *

Стихи и проза военных лет, представленные в этой книге, дают масштабную, но калейдоскопическую картину: она составлена из фрагментов военной жизни, причем из фрагментов, поданных под разными углами зрения. Плач по жертвам и славословие героев, патриотические призывы и мрачные предчувствия, карикатуры на врагов и стремление увидеть в противнике человека, страх и отвага, сострадание и отвращение — таков спектр настроений и эмоций, отразившихся в литературе. Не менее разнообразна стилистика, особенно в поэзии, где на одном полюсе мы находим попытку возродить на новых основаниях одический жанр (Мандельштам), на другом — лубок. Официальная идеология то уходит далеко в тень, то подчиняет себе поэзию, и крупные поэты начинают писать патриотические стихи такого низкого литературного уровня, что стесняются потом включать их в свои сборники. Поэтизация славянства может опровергаться стихами, в которых вопреки происходящему утверждается родство России и Германии (Цветаева). Рядом с произведениями классической лирики появляются басни, песни, агитационные вирши, рядом с серьезными интонациями — ирония, восходящая к Козьме Пруткову (Б. Бабаджан, писавший под псевдонимом Клементий Бутковский).

Проза в жанровом отношении не так пестра, как поэзия, в ней доминируют очерковые формы. С одной стороны, документальность проникает в рассказ, тесня вымысел, с другой стороны, походные записки, дневник, письма начинают претендовать на роль художественного высказывания. Обе тенденции понятны: правда о войне становится главной ценностью, перед которой тускнеют все остальные. Разнообразие прозы военных лет определяется ее тематикой. Взятая в совокупности, она описывает, пожалуй, все пространство военной жизни: фронт глазами рядовых и офицеров, героев и трусов, полевые госпитали и расположенные в тылу лазареты... Фигура медсестры выдвигается на первый план, в ней соединяются черты вечной женственности и подвижничества, которые обнаруживаются в простой, невежественной, а то и вовсе легкомысленной женщине. Другой повторяющийся женский образ — девушки, отправившейся на фронт под видом воина, — явно романтизирован. Истоки его можно проследить к XIX и даже к XVIII веку. Авторов привлекает не столько легендарный образ кавалерист-девицы Надежды Дуровой, сколько возможности любовного сюжета, испробованного еще Пушкиным в период его лицейского ученичества (стихотворение «Кольна»,

в котором сюжет, заимствованный из сурового Оссиана, разрешается французской галантной сценой). Но такого рода «литературность» сюжетных ходов остается редким явлением в военной прозе. С образом нежной девы, скрытой военным облачением, контрастирует еще один, также типовой женский образ — старухи, чаще всего необразованной крестьянки, внешне подчеркнута непривлекательной, не способной понять не только общий смысл происходящего, но иногда — даже смысл письма, в котором сообщается, что ее сын, единственный кормилец, убит. Может быть, это один из самых страшных образов жертв войны, вовлеченных в нее помимо собственной воли и лишенных самой последней возможности — осознать собственную обреченность.

Картины тыловой жизни представлены в военной прозе 1914–1917 годов не менее разнообразно, чем эпизоды жизни фронтовой. Город и деревня, интеллигенция и крестьянство, дети и люди искусства, потеря близких и ужас (а иногда равнодушие) при их отправке на фронт, голод в глубинке и фрагменты развеселой столичной жизни — все это попадает в художественную прозу и предстает в самых разных ракурсах: то как обличение, то как сострадание, то как сухой документ. Позиции писателей определяются не только их отношением к политике или действиям правительства и военного командования. Еще важнее то, чему свидетелем каждый из них становится. Ушедшие на фронт видят войну иначе, чем оставшиеся в тылу. То, что воспринимается как героизм первыми, для последних может выглядеть как зверство. Особое место занимают писатели, ставшие военными корреспондентами. Это люди тыла, которым постепенно открывается картина военных действий и все их последствия. Так же как ушедшие в армию, они описывают фронтовые будни, фронтовой быт — и жизнь прифронтовой линии, вернее, то, как разрушается, уходит жизнь из тех мест, к которым приблизилась война. Они иногда рискуют собственной жизнью, но лишены того опыта, который есть у военных, — опыта убивать, ставшего нормой.

Итак, если взять литературу военных лет в ее совокупности, окажется, что она охватывает едва ли не все стороны русской реальности того времени. Но эта картина — подчеркнем еще раз — мозаична. У тех, кто погружен в гущу событий, еще нет возможности охватить их общим взглядом, требующим хотя бы минимальной исторической дистанции. Насколько меняется взгляд, когда эта дистанция возникает, видно по творчеству одного из писателей, представленных в этом издании, — по творчеству А. Н. Толстого.

К началу войны Толстому 32 года, и он уже очень богат жизненными впечатлениями. Он хорошо знает быт провинции, крестьянства, помещичьего дворянства, мещан, провинциальной интеллигенции, а также интеллигенции столичной, он знаком с большинством известных писателей. Кроме того, он уже испробовал свои силы в поэзии и завоевал признание как прозаик. Одним из первых Толстой начал писать о войне.

В рассказе «Обыкновенный человек» (1914) возникают разрозненные зарисовки, обрывки разговоров, быт солдат и офицеров, вид разрушенных городов и деревень, лирические пейзажи, ненависть, грязь и вонь — и вместе с тем выражено ощущение какого-то скрытого смысла происходящего, смысла, который еле брезжит. Раненый офицер Демьянов лежит на спине «посреди мирового покоя, величественной, огненной тишины, и звезды близки ему, как трава. И точно сердце его охватило все, что видят глаза, и все, чего жаждет душа, и все это в нем, и потому такой покой. Затем он стал думать, все ли в жизни торжественно, все ли хорошо. Ему опять припомнились и лица, и вещи, о которых он думал. И все, что припомнил, показалось прекрасным, будто лица и вещи осветились и стали страшно значительными. “Вернусь и объясню им это, и все они станут жить по-иному”, — подумал он и опять взглянул на звезды. Над его головой ясно горело, точно жемчужное, созвездие. “Ну, да это тоже просто и понятно, — подумал он. — Нет смерти, — только радость”». Литературный прообраз эпизода вполне очевиден — прозрение раненого князя Андрея в «Войне и мире». Но в эпопее Льва Толстого это событие вплетено в широкий контекст, соотносено с честолюбивыми замыслами и планами Болконского, с жизненными путями других героев, с судьбой отдельного человека на фоне судьбы всеобщей. У Алексея Толстого эпизод остается фрагментом, рассказ не случайно оборван в тот момент, когда еще неизвестно, останется ли Демьянов жить, или он обречен на смерть. Целое остается неведомым.

Другой рассказ, включенный в антологию, — «Рассказ проезжего человека» — написан в 1917 году, когда уже было ясно, что война проиграна, когда уже можно было подводить хотя бы предварительные итоги. Они оказываются противоречивыми. Комичный «газетный писатель» произносит взволнованную речь, которая начинается словами: «Самое скверное то, господа, что вся эта мировая потасовка, с пятью миллионами убитых, — ни к чему! <...> какая цель во всем этом миро-трясении?» Однако отказываясь признавать цель, он тут же находит ей имя: «Имя нашему времени — возмездие». Но и это определение опровергается как заезженное: «Скуууучно... — завыл ветер в печной трубе», а проезжий штабс-капитан заявляет «спокойно, не без твердости в суровом и низком голосе: “Извините, пожалуйста, не знаю вашего имени-отчества, вы говорите ерунду”». Он рассказывает свою историю и заканчивает ее утверждением, что «рождается новая Россия, невидимая, единая и белая, как Китеж выходит с озерного дна...». Приберегая эти слова к финалу рассказа, Толстой как будто консолидируется с ними. Но новая Россия не случайно названа невидимой, а ветер, который снова врывается в повествование, кажется автору «вольным, гулким, таинственным ветром истории, шумящим во всех снастях»². Ключевое

² Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 664, 671.

здесь слово — «таинственный». В рассказе обозначена разноголосица мнений и невидимая, таинственная сущность происходящего, которое предъявляется только отдельными своими гранями.

Рассказы 1914–1917 годов в большинстве своем не вошли в классический фонд русской литературы и были забыты читателями. Но общая картина, совокупно ими составленная, вполне узнаваема — по произведению того же Алексея Толстого, написанному уже после войны. Речь идет о романе «Хождение по мукам». Эпический жанр вместил и объединил в себе практически все то, что было фрагментами представлено в прозе военных лет: военный и тыловой быт, Москва, Петербург, провинция, мнение высшего чиновничества, деятельность журналистов, отношение к войне простого солдата и крестьянина, жизнь интеллигентской элиты, женское и мужское переживание войны, предчувствие катастрофы, кровавые жертвы, искренняя боль за то, что происходит на фронте, и безудержное веселье, желание не замечать происходящее. В романе Толстого бросается в глаза сатирическое изображение многих сторон военной жизни, иные из которых не могли быть описаны, пока писатель жил в России и подчинялся условиям военной цензуры (например, эпизод в кабинете редактора либеральной газеты, который намерен «честно и открыто» «подать руку» правительству, не собираясь при этом ни на шаг не отступить от оппозиционных настроений³). Начав печатать роман в эмиграции, не стесненный цензурными рамками, Толстой мог свободно писать уже обо всем. Но его сатира коснулась не только тех тем, которые еще недавно были запретными. Изображение культурной элиты — поэтов, прозаиков, философов, членов политических партий разного толка — дает широкую картину того, что в самой сжатой форме было выражено в рассказе Бунина «Старуха»: «...а в далекой столице шло истинно разлитое море веселия: в богатых ресторанах притворялись богатые гости, делая вид, что им очень нравится пить из кувшинов ханжу с апельсинами и платить за каждый такой кувшин семьдесят пять рублей; в подвальных кабаках, называемых кабаре, нюхали кокаин и порою, ради вящей популярности, чем попадая били друг друга по раскрашенным физиономиям молодые люди, притворявшиеся футуристами, то есть людьми будущего; в одной аудитории притворялся поэтом лакей, певший свои стихи о лифтах, графинях, автомобилях и ананасах; в одном театре лез куда-то вверх по картонным гранитам некто с совершенно голым черепом, настойчиво у кого-то требовавший отворить ему какие-то ворота; в другом выезжал на сцену, верхом на старой белой лошади, гремевшей по полу копытами, и, прикладывая руку к бумажным латам, целых

³ Эпизод явно носит автобиографический характер — см. комментарий к «Хождению по мукам» Е. Толстой: *Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал: Репринтное комментированное издание*. СПб., 2010. Т. 2. С. 323–324.

пятнадцать минут пел за две тысячи рублей великий мастер притворяться старинными русскими князьями, меж тем как пятьсот мужчин с зеркальными лысынами пристально глядели в бинокли на женский хор, громким пением провожавший этого князя в поход, и столько же нарядных дам ели в ложах шоколадные конфеты; в третьем старики и старухи, больные тучностью, кричали и топали друг на друга ногами, притворяясь давным-давно умершими замоскворецкими купцами и купчихами; в четвертом худые девицы и юноши, раздевшись донага и увенчав себя стеклянными виноградными гроздьями, яростно гонялись друг за другом, притворяясь какими-то сатирами и нимфами...»⁴.

Приведенная параллель к «Хождению по мукам» — всего лишь одна из множества. Почти все темы, так или иначе затронутые в отдельных произведениях, вошедших в настоящую антологию, оказались включены в роман, составив объемное эпическое повествование⁵. Но надо заметить и то, что малые прозаические жанры военной прозы нередко сами уже содержали потенциал эпического развертывания. Таков, в частности, процитированный рассказ Бунина: изображение «глупой уездной старухи» вдвинуто в самую широкую раму, вместившую в себя и столичную жизнь, и множество персонажей — не только хозяина с хозяйкой, которым служит старуха, но и уездного учителя, и баб, стариков, детей и овец, укладывавшихся спать «в непроглядных полях, по смрадным избам», и скованного Прометея, и греков, которые две с половиной тысячи лет тому назад «наголову разбили однажды войско персидского царя при помощи богини Афины-Паллады», и бредущего к дальнему фонарю оборванного караульщика, «все сыновья которого, четыре молодых мужика, уже давно были убиты из пулеметов немцами». Многие авторы, в военные годы писавшие о фронте и тыле, вероятно, чувствовали, что их зарисовки, иногда обращенные на самые незначительные предметы, вроде недалекой старухи, плачущей, утираясь подолом, служат деталями некой общей грандиозной картины — и действительно: собранные вместе, они складываются в мощный военный эпос. У каждого автора — свой взгляд на войну⁶, своя тематика, свои излюбленные жанры, но эта жанровая и тематическая пестрота, это множество точек зрения в своей совокупности тоже соответствуют законам многоголосого эпоса, вбирающего в себя разнообразные жанровые и смысловые оттенки.

Еще одна тема, которой необходимо коснуться, связана с самосознанием русской интеллигенции. В нашем восприятии культуры Серебряного

⁴ Комментарий к этому рассказу Бунина см. в наст. изд., с. 775–776.

⁵ Многие из этих тем, хотя и не в такой полноте, как у Толстого, представлены в другом эпическом произведении, обращенном к событиям Первой мировой войны, — в «Тихом Доне», связь которого с малыми формами прозы военных лет также вполне очевидна.

⁶ См. об этом в прелюдах к комментариям в наст. издании.

века произошла невольная аберрация. В 1914–1917 годы символистами, акмеистами, футуристами был создан целый ряд шедевров. При их восприятии и изучении мы очень редко учитываем, что писались они во время войны, война служит для нас каким-то отдаленным и не слишком актуальным фоном. В этом отношении мы чем-то напоминаем едва ли не тех столичных жителей военных лет, которые стремились жить так, словно военные события их не касаются. Книга, предлагаемая вниманию читателя, должна скорректировать подобный взгляд на все созданное в период Первой мировой войны — он совершенно несправедлив по отношению к творцам Серебряного века, среди которых практически не было тех, кто не откликнулся на потрясшее мир событие.

Не сразу бросается в глаза то обстоятельство, что многие писавшие о войне уже в те годы стремились понять не только политическую, бытовую или культурную, но также и более глубокую, метафизическую природу всемирной битвы. Вопрос, вставший перед ее современниками, звучал примерно так, как его сформулировал А. Н. Толстой: «...в сердце каждого было смутно и тревожно. Каким образом прочный европейский мир в двадцать четыре часа взлетел на воздух, и почему гуманная европейская цивилизация <...> оказалась обманом, просто — отводом глаз (уже, кажется, выдумали и книгопечатание, и электричество, и даже радий, а настал час, — и под фраком и цилиндром объявился все тот же звероподобный человецище с дубиной)»⁷. Необходимость ответить на этот вопрос встала перед сознанием многих русских писателей, и голоса тех, кто смог высказаться на эту тему, прозвучали в печати, вплетаясь в общий нестройный хор.

В 1916 году в газете «Утро России» вышла статья Вячеслава Иванова «Легион и Соборность». Понятия, вынесенные в ее заглавие, сегодня естественно воспринимаются в контексте других построений религиозно-мистической философии Иванова. Однако на деле статья посвящена именно идущей в то время войне. В самом начале статьи Иванов пишет: «Опыт войны убедил нас, что организация — условие победы; и здоровое самоутверждение наших общественных сил стало, последовательно, борьбой за организацию»⁸. Для Иванова существенно, что идея организации как принципа соединения разнородных элементов в общую систему может обладать различной природой. Германскую идею иерархии и порядка, где каждый надрывается «в напряженной работе, подчиняясь, как части одной машины, количественному и качественному распределению национального труда», он признает купленной немислимо дорогой ценой — «внутренним, полубессознательным отказом от свободы и обезличением

⁷ Толстой А. Н. Хождение по мукам // Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал: Репринтное комментированное издание. Т. 2. С. 10.

⁸ Иванов В. И. Легион и соборность // Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 254.

личности». Подобный принцип устройства человеческого общества — «антропологически новый факт в эволюции вида *Homo Sapiens*, биологический рецидив животного коллектива в человечестве, воскресшее сознание муравейника»⁹. Природу этого явления Иванов связывает с тем, как самим человеком воспринимается сокровенная природа его «я». И война как феномен метафизического порядка оказывается, по Иванову, прямым следствием того пути, по которому развивалась человеческая личность в своих отношениях с самой собой, с миром и Богом. Обращенность личности только к себе самой, низкое желание сберечь свою душу лишает человека единственной подлинной реальности — любви к другому. Индивидуалистическому самосознанию, торжеством которого становится, по мнению Иванова, германская идея вселенской организации, противопоставлен идеал «личности в Боге самоопределяющейся и “в Бога богатеющей”»¹⁰, личности, которая обретает подлинность своего бытия через веру в бытие другого, через любовь к другому, через свою способность произнести обращенные к другому слова «Ты Еси». Война предстает как поле и одновременно как результат столкновения этих двух метафизических принципов человеческого самосознания. Один из них состоит в обращенности индивидуума на самое себя — совокупность таких индивидуумов собирается в коллектив только в образе муравейника-легиона. Другой предполагает обращенность личности не к себе, а к Богу и способность ее через любовь к другому составить часть общего соборного здания человеческого духа. В соборности Иванов видит «такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы»¹¹. В этом построении безусловно узнаваемы черты философии Владимира Соловьева, который учил, что «критерий достойного или идеального бытия вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого»¹². Другой прообраз противопоставления легиона и соборности — цитируемое Ивановым Августиново противоположение двух градов: «Создали две любви два града: любовь к себе до презрения к Богу — Град Земной; любовь к Богу до презрения к себе — Град Небесный»¹³. Мировая война для Иванова — проявление вечной войны двух законов, двух типов любви. И истинное поле битвы, вспоминая слова Мити Карамазова, — сердца людей.

Иванов вовсе не был одинок в своих размышлениях о войне. 29 марта 1917 года М. О. Гершензон прочел публичную лекцию, близкую по духу

⁹ Там же. С. 255.

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Там же. С. 260.

¹² Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 362.

¹³ Иванов В. И. Легион и соборность. С. 258.

к высказыванию Вячеслава Иванова. Если Иванова интересовали принципы «организации» человеческого общества, то в центре рассуждений Гершензона оказались природа цивилизации как таковая и прогресс как один из принципов ее развития.

Гершензон говорил, что с древнейших времен усилия человечества были направлены не только на усовершенствование отношений с окружающим миром, но и на усмирение собственного мятежного духа. И если покорению непокорных человеку природных сил служила наука и движимый ею технический прогресс, то усмирению и гармонизации духа служили различного рода религиозные практики, также развивавшиеся и совершенствовавшиеся на протяжении многих веков. До некоторого момента именно религиозное самосознание служило регулятором отношений людей друг с другом, и конкретный закон был лишь воплощением заповеди, которая и придавала ему значение и силу.

Переломным моментом в развитии европейской цивилизации, по мысли Гершензона, становится XVI век, когда отчетливые формы принимает совершенно новая форма исторического самосознания, он называет ее «религией прогресса».

Позитивистская вера в абсолютную умопостигаемость мира, ставшая на три века главным принципом развития человеческого познания и самосознания, в отношении самой природы человеческого духа имела последствия катастрофические. «Она упразднила все другие верования, враждебные безоглядному творчеству, освободила человека от раскаяния за грех и от страха перед неведомым, она отбросила все начала и концы и убедила человека глядеть только на середину, которая ждет его творческого воздействия, чтобы получить жизнь и смысл»¹⁴. Закон занял место завета, психология стала на место религии, и это привело к тому, что внутри «огромного таинственного Божьего мира человечество замкнулось как бы в особый искусственно огороженный мирок»¹⁵. Сама же природа мятежного человеческого духа осталась за рамками этой новой религии прогресса и неуклонно продолжала действовать, не сдерживаемая более ничем. И хотя прогресс обещал привести к неременному благоденствию и достижению идеала общественной организации, мятежная природа человеческого духа со всей тяжестью своего нераскаянного и даже несознанного греха не могла рано или поздно не прорваться наружу, в форме ужасающего исторического события всемирного искупления ошибки, совершенной некогда человеческим разумом на путях своего развития.

Именно таким событием выдвинулась Гершензону разразившаяся война. Причины ее были не социальными или политическими, но подлинно ме-

¹⁴ Гершензон М. О. Кризис современной культуры // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 236.

¹⁵ Там же.

тафизическими, и притом не абстрактными, но ужасающе конкретными. Они объяснялись желанием каждого человека упрямо игнорировать природу собственного духа, считая ее подчиненной разуму, вместо того чтобы смиренно признать ее, пусть и невидимо, но властвующей над ним.

«Для меня нет зрелища более поразительного, нежели связь между всемирно историческими событиями и переживаниями индивидуальной души. Я твердо знаю, я вижу ясно: эта война вызвана молекулярными движениями в миллионах отдельных сознаний. Каждая минута одинокого раздумья о своих личных нравственных ошибках, которому предается студент в своей комнате, каждое ощущение обиды и несправедливости в душе рабочего — суть слагаемое великого итога, который в урочный час неминуемо подведется — реформой, революцией, войною. От всякой отдельной души идут нити к маховому колесу истории, и только они своим совокупным натяжением двигают его. Здесь нет непризванных и нет праздных: каждый из нас, хочет он или не хочет, неизбежно участвует в коллективном творчестве»¹⁶.

Предложенное Гершензоном понимание природы мировой войны, со всеми ее муками и ужасами, должно бы было позволить человечеству вынести из нее такой урок, который заставил бы его всем ходом своего будущего развития искупить дерзновенную попытку разума объяснить собою все мироздание, по отношению к которому сам он является лишь одним из подобию.

Как бы ни назывался легион — именем организации, прогресса или как угодно иначе, он может быть окончательно побежден и преображен во вселенский собор человеческих душ, обращенных друг к другу и друг через друга к Богу, лишь будучи распознан и преображен каждым человеком в себе самом. Однако, как писал Вячеслав Иванов, «соборность — задание, а не данность; она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее так же нельзя найти здесь или там, как Бога. Но, как Дух, она дышит, где хочет, и все в добрых человеческих соединениях ежечасно животворит. Мы встречаем и узнаем ее с невольным безотчетным умилением и с ведомым каждому сердцу святым волнением, когда она мелькает перед нами, пусть лишь слабым и косвенным, но всегда живым и плавающим души лучом»¹⁷.

Настоящая антология представляет собой сборник самых различных художественных высказываний, связанных с темой Первой мировой войны, и лишь все в сумме они являют некий отпечаток той живой ткани человеческого мышления, которая и составляет историю в единстве ее проявлений и причин.

¹⁶ Там же. С. 247.

¹⁷ Иванов В. И. Легион и соборность. С. 260.